

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Василенко Ю.В. Трансформации политической идеологии франкизма в современной Испании. DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_91 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 91–108.

УДК 329.11:329.3

DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_91

Трансформации политической идеологии франкизма в современной Испании

Юрий Владимирович Василенко

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» – Пермь,

г. Пермь, Россия

E-mail: yuvasil@yandex.ru

*Поступила в редакцию 30.11.2021, поступила после рецензирования 12.01.2022,
принята к публикации 17.01.2022*

Статья посвящена трансформациям политической идеологии франкизма в современной Испании. Историческую эволюцию «франкизма после Франко» автор подразделяет на два этапа: неофранкизм (завершенный) и постфранкизм (зарождающийся). Неофранкизм формируется во времена демократического транзита (1975–1982), постфранкизм возникает в результате политических инноваций, реализованных социал-демократическими правительствами Х.Л. Родригеса Сапатеро (2004–2011) и П. Санчеса (с 2018 г. по настоящее время), и связан с негативным отношением к «исторической памяти» (закон 2007 г.) и «демократической памяти» (законопроект 2020 г.). Анализируя внутреннюю структуру неофранкизма, автор

© Василенко Ю.В., 2022

подразделяет его на три части в соответствии с более общей типологией консерватизма А.А. Галкина и П.Ю. Рахшмира: правое крыло (праворадикальный консерватизм), центристский неофранкизм (традиционализм) и левое крыло (либеральный консерватизм). Внутренняя структура постфранкизма пока еще формируется, поэтому раскрывается в менее определенных понятиях, хотя и на основе все той же классической триады: правый фланг (мейнстрим), центр («сочувствующие») и левый фланг («попутчики»). Сопоставляя «франкизмы», автор показывает, что франкизм при Франко был закрытой идеологией и имел своей главной целью уничтожение оппонентов (изгнание из страны, тюрьма, расстрелы); неофранкизм был полуоткрытой идеологией и предпочитал с оппонентами дискутировать (парламент, СМИ, научно-публицистическая литература). В этом контексте принципиальным отличием постфранкизма от остальных франкизмов является его открытый характер и публично артикулированное приглашение всевозможных оппонентов со всего политико-идеологического спектра к обоюдному сотрудничеству в целях поступательного развития страны, благодаря чему в логике его зарождающегося дискурса сегодня выступают не только неофранкисты, но и антифранкисты (в частности, представители Коммунистической партии Испании, которые традиционно являлись врагами любого франкизма), что и позволяет автору добавлять к нему приставку «пост-».

Ключевые слова: политическая идеология, франкизм, неофранкизм, постфранкизм, «историческая память», «демократическая память», современная Испания

Transformations of the Political Ideology of Francoism in Modern Spain

Yuri V. Vasilenko

National Research University “Higher School of Economics” – Perm,
Perm, Russia

E-mail: yuvasil@yandex.ru

Received 30.11.2021, revised 12.01.2022, accepted 17.01.2022

Abstract. The article is devoted to the transformations of the political ideology of Francoism in modern Spain. The author divides the historical evolution of “Francoism after Franco” into two stages: neo-Francoism (completed) and post-Francoism (incipient). Neo-Francoism is formed during the times of democratic transit (1975–1982), post-Francoism arises as a result of political innovations implemented by the two social-democratic Governments of J.L. Rodriguez Zapatero (2004–2011) and P. Sanchez (from 2018 to the present) and is associated with a negative attitude to “historical memory” (Law of 2007th year) and “democratic memory” (Bill of 2020th year), respectively. Analyzing the internal structure of neo-Francoism, the author decomposes it into three types in accordance with a more general typology of conservatism by A.A. Galkin and P.Yu. Rakhshmir: the right wing (right-wing radical conservatism), centrist neo-Francoism (traditionalism) and the left wing (liberal conservatism). The internal structure of post-Francoism is still being formed, therefore it is revealed in less defined concepts although on the basis of the same classical triad: the right flank (mainstream), the center (“sympathizers”) and the left flank (“fellow travelers”). Comparing the “Francoisms”, the author shows that Francoism under Franco was a closed ideology and had as its main goal the destruction of opponents (expulsion from the country, prison, executions); neo-Francoism was a semi-open ideology

and preferred to discuss with opponents (Parliament, media, scientific and journalistic literature). In this context, the fundamental difference between post-Francoism and other Francoisms is its open nature and publicly articulated invitation for all kinds of opponents from across the political and ideological spectrum to mutually beneficial cooperation for the progressive development of the country, thanks to which not only neo-Francoists, but also anti-Francoists (in particular, representatives of the “Communist Party of Spain” who have traditionally been enemies of any Francoism) appear in the logic of its nascent discourse today, which allows the author to add the prefix “post” to it.

Keywords: political ideology; Francoism; neo-Francoism; post-Francoism; “historical memory”; “democratic memory”; modern Spain

For citation: Vasilenko Yu.V. Transformations of the Political Ideology of Francoism in Modern Spain, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 91-108. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_91.

Демократический транзит, начавшийся в Испании в 1975 г. после смерти генерала Ф. Франко, считается на сегодняшний день окончательно завершённым по неисчислимому количеству причин, первой и главной из которых является историческая очевидность. Соответственно и политическая идеология франкизма все чаще становится предметом не столько политологических, сколько сугубо исторических исследований. За прошедшие с тех пор четыре с половиной десятилетия об этих процессах были написаны и переписаны сотни томов, благодаря которым тема начинает считаться в целом исчерпанной, постепенно переходя в современном общественном сознании в разряд историографической. Вместе с тем ничто на земле не проходит бесследно, и такие сложнейшие явления, как авторитарные диктатуры и обосновывающие их идеологии, оказавшие значительное влияние на историю той или иной страны, никуда не исчезают, продолжая исподволь не только жить, но и развиваться, принимая порой довольно парадоксальные и самые неожиданные формы. Отсюда и трансформации франкизма в современной Испании рискуют стать столь же идеально-типическими, как и его историческая смерть и почти забвение, слухи о которых, как некогда весьма удачно пошутил М. Твен, оказались сильно преувеличены.

Для того чтобы разобраться в трансформациях франкизма и их причинах, почему вдруг эта политическая идеология начала возрождаться подобно фениксу из пепла, прежде всего необходимо проследить ее эволюцию за последние сорок пять лет, определить и охарактеризовать этапы этой эволюции, концептуализировать ключевые идеи ее наиболее типичных представителей, подразделив их на несколько поколений и течений в рамках этих поколений, и затем уже определить тот триггер, который спровоцировал новый виток в ее развитии, поднимая со дна исторической памяти настолько мутные воды, что они вновь заслуживают самого пристального внимания.

Если же говорить об актуальности данной проблематики для России, то здесь вновь напрашиваются знаменитые исторические параллели между нашими странами, позволяющие утверждать, что происходящие в Испании процессы – это как минимум один из вероятных сценариев развития

сталинизма как неосталинизма и, возможно, даже постсталинизма, притом что по сравнению с испанским «аналогом» мы традиционно запаздываем как минимум на поколение. При этом «русская тема» по-прежнему одна из центральных в мышлении франкистов, что превращает их политико-идеологические конструкции в своеобразное зеркало для наших героев.

С нашей точки зрения, развитие политической идеологии франкизма как «франкизма после Франко» проходит два довольно четко фиксируемых исторических этапа: неофранкизм (завершенный) и постфранкизм (зарождающийся), каждый из которых обладает существенной долей специфики. Если на первом этапе речь шла о трансформации франкизма в логике преемственности в точке бифуркации, когда сохранялась еще пусть призрачная, но все-таки надежда на определенную реставрацию режима (отсюда и попытка военного переворота в феврале 1981 г., поставившего под угрозу молодую испанскую демократию); то во втором – уже о трансформации после выхода из точки бифуркации, то есть вне всякой надежды на какую-либо реставрацию, что, собственно говоря, и составляет главную интригу этого процесса: о чем думают и чего хотят представители постфранкизма, что продолжает волновать их историческую память и заставляет обращаться к столь противоречивому опыту как позитивному?

1. Неофранкизм. Политико-идеологический спектр неофранкизма как «франкизма после Франко» очень сложно фиксируется социологически, поскольку основывается на довольно неопределенных частях почти всех социальных групп испанского общества, находящихся – как на тот момент и вся Испания – в процессе внутренней трансформации из состояния авторитарной диктатуры к демократии. Для понимания сложности этого процесса важно учесть, что сама франкистская диктатура (и, соответственно, обосновывающая ее идеология) никогда не была статичной: она постепенно, даже не заметно для самой себя, превращалась из профашистской времен гражданской и Второй мировой войн в очень умеренно, но все-таки «либерально-консервативную» в последние годы жизни Франко, когда так называемые либеральные франкисты (сторонники умеренных пролиберальных реформ, открытости страны и интеграции в общезападные политические институты) получили определенную надежду на то, что именно они возглавят государство после смерти своего каудильо, – то есть, проще говоря, она постепенно эволюционировала в рамках консервативного идеологического спектра справа налево. При этом политологически этот процесс фиксируется довольно просто, поскольку неофранкизм имеет в своем составе три крыла (три классические части): правое, центристское и левое.

1.1. Правое крыло неофранкизма, формирование которого начинается еще в последнее десятилетие правления Франко, закономерно никак не отличало себя от франкизма как такового, являясь носителем той политической идеологии праворадикального консерватизма, которая сложилась еще во времена гражданской войны и была использована, в частности, во время Второй мировой при формировании «Голубой дивизии», направленной летом 1941 г. в Советский Союз и разгромленной в ходе боев за освобождение Ленинграда. Позиционируя себя как истинных франкистов, представители

правого крыла стали отставать от жизни, не замечая того, что франкизм – не кремень, а подвижная политическая система, хотя и не столь подвижная, как современные ему демократии; в результате правые франкисты захотели быть большими франкистами, чем сам Франко или те технократы, которые все увереннее управляли за его плечами и вольно или невольно вели Испанию к демократии. Запершись в так называемом Бункере (понятие, введенное в политический оборот по аналогии с бункером Гитлера знаменитым испанским коммунистом С. Каррильо, ставшим главным жупелом для всех франкистов), правое крыло франкистов ушло в глухую оборону, открыто выступив против демократического транзита лишь в феврале 1981 г.

Один из немногих активно высказывающихся представителей «Бункера» – основатель ультраправого издания с весьма говорящим названием «Новая сила» и одноименной политической партии – Блас Пиньяр Лопес (1918–2014) в своей книге «Бой за Испанию» (1975) прямо пишет, что они «вдохновляются центральной идеей служения Богу и Родине (фактически это модернизированные «Алтарь и Трон» из наследия традиционалистов XIX в. – Ю.В.), благородного служения, которое было последней и мощной причиной крестового похода» (Piñar 1975: XI)¹. Приверженность идее Испанидад, сформулированной в классическом виде Р. де Маэсту еще во времена диктатуры генерала М. Примо де Риверы (1923–1930), выражается у Пиньяра в тоске по «нашему испанскому миру» (Piñar 1975: XIII) и «утраченными Испанией позициям на южном континенте» (Piñar 1975: XIV). Выступая с типичных для испанских правых радикалов англофобских позиций, Пиньяр призывает вернуть Гибралтар; отсюда и его «огромная любовь к армии» (Piñar 1975: XI), тем более что сам он выходец из семьи военных. Определяя свое место в политико-идеологическом спектре, Пиньяр позиционирует себя как традиционалист, но более конкретно связывает свою идейно-ценностную генеалогию с двумя историческими персонажами: умеренным карлистом (традиционалистом) Хуаном Васкесом де Мелья, считающимся одной из ключевых фигур в испанской политике первой трети XX в., и «мучеником франкизма», создателем и лидером «Испанской фаланги» Х.А. Примо де Риверой (Piñar 1975: XIII), расстрелянным республиканцами в 1936 г. В итоге праворадикальный консерватизм Пиньяра фиксируется довольно четко даже на уровне самоидентификации: между традиционализмом и фашизмом. В наступившие же «смутные времена» демократического транзита Пиньяр утверждает, что освещать разум должны «воля» и «огонь в сердце» (Piñar 1975: XV), которые он сохранит до последних дней своей жизни, запомнившись одним как фанатик, а другим как человек с твердыми убеждениями.

1.2. *Центристский неофранкизм* – в отличие от правого – выстраивается в тиши кабинетов, в которых свои «бои за историю» ведут уже не общественно-политические лидеры с претензией на власть, а всего лишь академические историки, пусть и занимающие иногда те или иные должности в правительствах демократического транзита. С нашей точки зрения,

¹ Здесь и далее перевод наш. – Ю.В.

наиболее ярким их представителем является выдающийся испанский историк конца XX – начала XXI в. Рикардо де ла Сьерва-и-Осес (1926–2015), который как политик начал свою карьеру еще при Франко, а в 1980 г. побывал министром культуры в правительстве «Союза демократического центра» (СДЦ) во главе с великим А. Суаресом. В 1977–1979 гг. Сьерва был сенатором, а в 1979–1982 гг. – депутатом кортесов от Мурсии. В 1984 г. он становится членом «Народного альянса» (НА) во главе с М. Фрагой Ирибарне, из которого в дальнейшем появится и современная либерально-консервативная Народная партия (НП).

Занимаясь традиционными для неофранкистов проблемами истории Второй республики, гражданской войны и франкизма, Сьерва написал несколько книг, которые имели не только академическое, но и политико-идеологическое звучание, благодаря чему и заслужил в среде левых историков почетное звание «официальный историк режима» (García 2001: 395). Центристский характер его работ определяется как их общепризнанной еще при Франко «безмятежностью» и «беспристрастностью» (Pérez Gómez 1972: 356), так и проблематикой: еще в 1972 г. в книге «Потерянная история испанского социализма» (Cierva 1972) Сьерва критически анализирует историю Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП), а в 1987 г. в не менее значимой в историографическом плане монографии «Безнадежные правые: от заточения Ховельяноса до мученичества Фраги» (Cierva 1987) – историю испанских правых (прежде всего политических практиков, занимавших видные государственные посты в течение последних двух столетий, а потом уже идеологов), осуждая их за то, что они, по его мнению, забирают слишком влево и, боясь заявить о своей правизне в полный голос, постоянно идут на уступки. Уже в этом виден правый уклон Сьервы, который в дальнейшем и приведет его в лагерь традиционалистов. Между тем к этой же – центристской – части наследия Сьервы можно отнести и предельно сбалансированную книгу 1985 г. «За и против Франко: франкизм и антифранкизм» (Cierva 1985).

Окончательно в лагерь неофранкистов Сьерва переходит лишь в середине 1990-х гг., когда начинает писать сугубо полемические книги, в которых, с одной стороны, жестко критикует левых (например, «Каррильо лжет: 156 документов против 103 фальсификаций» (Cierva 1994), «Интернациональные бригады в 1936–1939. Настоящая история. Историческая ложь и государственная ошибка» (Cierva 1997), «Половина нации отказалась умирать: потерянные документы Народного фронта» (Cierva 2002); а с другой – выступает последовательным адвокатом франкистов и неофранкистов (например, «23 февраля без ретуши» (Cierva 1998) и «18 июля не было фашистского военного переворота» (Cierva 2000). Как правило, смысл всех этих книг, основанных на тщательном подборе достоверных исторических документов (Сьерва никогда не перестает быть историком), понятен уже из их названия.

Превращению Сьервы из академического историка в историка идеологического способствовал и приход к власти в 1996 г. либеральных консерваторов из НП во главе с Х.М. Аснаром – Сьерва разошелся с ними еще на этапе НА, – что позволило ему вновь заговорить о недопустимо левом

уклоне в их политической практике. Также принадлежность Сьервы к лагерю традиционалистов определяется и его критическими работами по истории испанской Католической церкви, в которых он доказывает, что в XX в. она была буквально захвачена масонами и марксистами (например, «Серп и крест. Подъем и падение марксизма и теологии освобождения» (Cierva 1996) и «Инфильтрация. Инфильтрация марксистов и масонов в Католическую церковь XX века» (Cierva 2008), в чем, помимо всего прочего, проявляется его неприятие решений Второго Ватиканского собора, открыто призывавшего Католическую церковь к либерализации.

1.3. *Левое крыло неофранкизма* развивалось в постоянном противостоянии как с антифранкизмом, так и с правым крылом самого неофранкизма. Наиболее выдающийся его представитель Мануэль Фрага Ирибарне (1922–2012) является не только самым знаменитым неофранкистским политиком, которого в обязательном порядке упоминают во всех исторических сочинениях об эпохе позднего франкизма и демократического транзита, но и самым необычным, поскольку он сумел проделать совершенно нехарактерную для большинства либеральных консерваторов идейно-ценностную эволюцию – справа налево, – следуя за «ветром перемен». Обычно среди заслуг Фраги называют две эпохальные, связанные с его пребыванием в 1962–1969 гг. на посту министра информации и туризма: в 1966 г. ему удалось провести новый закон о печати, отменявший цензуру, введенную еще во время гражданской войны; именно он под лозунгом «Spain is different!» превратил Испанию в туристическую страну. Между тем Фрага еще и выдающийся интеллектуал, имеющий достижения как в сфере права (он является одним из отцов современной испанской конституции), так и в сфере политической философии (он совершенно справедливо, на наш взгляд, считается основоположником современного испанского либерального консерватизма (Gilmour 1999).

В 1981 г. Фрага написал книгу «Испанское консервативное мышление», в которой попытался проследить генеалогию либерального консерватизма в Испании, назвав его просто «консерватизм», не только потому что был англофилом и следовал в этих вопросах англосаксонской политической традиции, но и потому что среди упоминаемых им персонажей было множество общепризнанных традиционалистов XIX–XX вв. (в частности, Х. Бальмес и Р. де Маэсту). В своей интерпретации Фрага сумел вытащить на поверхность и жирно подчеркнуть именно левый уклон в их идеях, взглядах и ценностях, превратив в итоге католического теолога Бальмеса в основоположника испанского социологического позитивизма (Fraga Iribarne 1981: 13-14, 39-113), а творца идеи Испанидад Маэсту – в социалиста фабианского толка (Fraga Iribarne 1981: 183-233). При этом он отвергает обоснование диктатуры в исполнении «зрелого авторитариста» Х. Доносо Кортеса (Fraga Iribarne 1981: 11), фактически вынося его за скобки испанского консерватизма, что также недвусмысленно говорит об идеологической идентичности Фраги. Конечной же целью Фраги было обоснование полной ассоциации себя с фигурой А. Кановаса дель Кастильо; отсюда производна и его самоидентификация как либерального консерватора, стремящегося в условиях демократического транзита к общенациональному консенсусу и построению стабильной

политической системы, которая, учитывая национальную специфику Испании, была бы способна обеспечить поступательное развитие страны в условиях современной демократии (Fraga Iribarne 1981: 235-254). Трагедия Фраги как политика в целом заключалась в том, что в глазах испанцев и прежде всего антифранкистов он так и остался франкистом, хотя всячески стремился занимать и сохранять достойное место в демократическом истеблишменте, что ему, кстати говоря, великолепно удавалось.

Сведем идейно-ценностные доминанты вышеназванных разновидностей неофранкизма в общую таблицу.

Идейно-ценностные доминанты неофранкизма

Место в консервативном политико-идеологическом спектре		Левое крыло	Центристы	Правое крыло
		Либеральный консерватизм	Традиционализм	Праворадикальный консерватизм
Наиболее типичный представитель		М. Фрага Ирибарне	Р. де ла Сьерва-и-Осес	Б. Пиньяр Лопес
Идейно-ценностные доминанты	Католицизм	Да	Да	Да
	Национализм	Да	Да	Да
	Неоимпериализм	Нет	Да/Нет	Да
	Авторитаризм	От Да к Нет	Да/Нет	Да
	Монархизм	Да	Да	Да/Нет
	Централизм	Нет	Да/Нет	Да
Слоган политического действия		«Малый вперед!»	–	«Полный назад!»

В целом же мы видим у неофранкистов классический консервативный набор идейно-ценностных доминант, в котором религиозная и испанистская составляющие являются общими и связующими (испанский католицизм – традиционный идейно-ценностный фундамент Испании); в то время как неоимперская, авторитаристская и централистская (антифедералистская) составляющие слабеют по мере смещения влево; а монархистская, наоборот, усиливается. Отсюда и стремление к консенсусу либеральных консерваторов и бескомпромиссность праворадикальных консерваторов. И если во времена демократического транзита антифранкисты в целом вступали под прогрессистским слоганом «Полный вперед!», то правый неофранкизм выступал под противоположным – антиреформистским – слоганом «Полный назад!», а левый – под умеренно реформистским «Малый вперед!». Центристский неофранкизм занялся исключительно интеллектуальной деятельностью, не претендуя на какое бы то ни было политическое действие, благодаря чему его представители не запятнали себя практически ничем; в то время как Пиньяр прямо призывал к политическому насилию, а Фрага был вынужден его – в частности, расстрелы коммунистов при Франко – оправдывать.

Антифранкисты посредством различного рода демократических инноваций постоянно провоцировали консервативную реакцию у всех неофранкистов вне зависимости от степени притягивания или неприятия ими демократии как во времена демократического транзита (1975–1982), так и уже в период устоявшейся демократии (после 1982 г.). Первое поколение «франкистов после Франко» было непосредственно связано с франкистским режимом, за что неофранкисты вошли в левую историографию как довольно одиозные личности, даже если и не сделали ничего предосудительного, поэтому можно было бы ожидать, что со временем в силу естественных причин неофранкизм как политико-идеологическое и сугубо социальное движение просто сойдет на нет. Однако надежды антифранкистов не оправдались, простой смены поколений для преодоления постоянно обновляющегося исторического наследия франкизма оказалось недостаточно.

Первым признаком того, что что-то пошло не так, становятся работы политического журналиста Пио Моа (род. 1948), которого по праву можно назвать типичной переходной фигурой между неофранкизмом и постфранкизмом. С одной стороны, после смерти большинства уже пожилых неофранкистов Моа, будучи в силу возраста просто самым младшим в этом ряду, оказывается чуть ли не единственным из признанных авторитетов, кто подобно испанским морякам при Трафальгаре под ударами английских пушек упорно поддерживает, казалось бы, неудержимо падающее знамя неофранкизма; с другой – Моа идеально включается в политическую идеологию постфранкизма уже в статусе «патриарха, который предупреждал».

Моа написал множество исторических книг в логике «боев за историю», ожидаемо заслуживших жесточайшую критику слева. Поскольку Моа работает в логике Сьервы (даже названия их книг похожи), он вполне может быть причислен к центристскому неофранкизму, совершенно не претендующему на политическое действие, но находящемуся в поисках неких исторических балансов (идеально-типической в этом отношении является его книга 2005 г. «Франко. Исторический баланс» (Моа 2005)). Вместе с тем Моа не историк, а публицист, за что все критики слева, среди которых такие выдающиеся историки, как британец П. Престон и испанцы А. Рейг Тапия, Х. Тусель и С. Хулиа, обвиняют его в псевдоисторизме и ревизионизме. Наиболее значимым сочинением в этом плане является книга Рейга Тапии «Анти-Моа. Неофранкистский подрыв истории Испании» (Reig Tapia 2006). Конечно же, Моа, как борец с ревизионизмом и сам, можно сказать, «ревизионированный» (Reig Tapia 2008), предпочитает в долгу не оставаться и яростно отстреливается в своем блоге на консервативной платформе «Libertad Digital», задавая риторическими вопросами типа «Что такое историк?» (Моа 2006); при этом постепенно вслед за тем же Сьервой он превращается в традиционалиста, пишущего книги в духе консервативной социальной критики, к примеру «Гомосексуальное общество и другие эссе» (Моа 2001).

Идейно-ценностная эволюция Моа – из коммуниста-маоиста, члена организации «Группы патриотического антифашистского сопротивления первого октября» (ГРАПО), называвшие себя городскими партизанами, а фактически являвшейся террористической, поскольку она системно

занималась политическими убийствами, грабила банки, а позже взрывала инфраструктуру НАТО, в неофранкиста традиционалистского толка – может служить провозвестником постфранкизма, под знамена которого собралось не только новое поколение неофранкистов, что вполне логично, но и множество бывших антифранкистов, что уже довольно странно и требует объяснения.

2. Постфранкизм. В отличие от описанного выше неофранкизма как восходящей к франкизму политической идеологии, трансформирующейся в условиях демократического транзита и устоявшейся демократии, постфранкизм как еще одна разновидность «франкизма после Франко» очень легко фиксируется социологически, поскольку речь идет об определенной группе интеллектуалов, занятых критическим анализом текущего момента, однако его очень сложно охарактеризовать политологически, поскольку идеологическое происхождение этих интеллектуалов весьма разнообразно: от неофранкистов, доживших до сегодняшнего дня и действующих в новых исторических реалиях, что в целом понятно и не нуждается в объяснении, до настоящих антифранкистов, что, собственно, и требует пристального внимания, так как является идеологической аномалией. Именно присутствие антифранкистов позволяет нам добавлять к современному «франкизму после Франко» приставку «пост-», превращая его в философских понятиях в некий диалектический синтез, возникающий на основе неофранкизма как тезиса и антифранкизма как антитезиса. Таким образом, речь идет не о постфранкизме как некой исторической эпохе, последовавшей после смерти Франко, а о сущностно новом качестве идеологии франкизма.

Триггером для манифестации постфранкизма являются два – как теперь уже становится понятно – исторических события, потрясшие демократическую Испанию: первое – это перенос могилы Франко в октябре 2019 г. из «Долины павших» (гигантского монументального комплекса, превратившегося в культовое место для неофранкистов) на кладбище Мингоррубио в районе Эль-Пардо (Мадрид); второе – представление в начале 2020 г. проекта закона о демократической памяти¹. Находящееся сегодня у власти правительство ИСРП во главе с П. Санчесом, досрочно сменившее в июне 2018 г. погоревших на коррупции либеральных консерваторов из НП М. Рахоя (2016–2018), продолжило политику предыдущего премьер-министра социал-демократа Х.Л. Родригеса Сапатеро (2004–2011), при котором в 2007 г. был принят нашумевший Закон об исторической памяти, признавший и расширивший права тех, кто «подвергся преследованиям и насилию во время гражданской войны и диктатуры»². Но если с «историче-

¹ Proyecto de Ley de Memoria Democrática. 2020. URL: <https://www.lamoncloa.gob.es/consejodeministros/Paginas/enlaces/200721-enlace-memoria.aspx> (дата обращения: 29.09.2021).

² Ley 52/2007, de 26 de diciembre, por la que se reconocen y amplían derechos y se establecen medidas en favor de quienes padecieron persecución o violencia durante la guerra civil y la dictadura. 2007. URL: <https://www.boe.es/eli/es/l/2007/12/26/52/con> (дата обращения: 29.09.2021).

ской памятью» Сапатеро испанские правые в целом еще как-то уживались, то «демократическая память» Санчеса вызвала бурю негодования не только в рядах правых, но и у части левых. Проект нового закона подразумевает расширение регулярно проводимых раскопок могил времен гражданской войны, а также развитие государственных программ в области «исторической памяти», что никак не конкретизируется, но после переноса могилы Франко может означать все что угодно; подобная неопределенность и вызывает большинство вопросов. Обжегшись, скажем так, на могиле Франко, консерваторы «начинают дуть» на новый закон, чтобы предотвратить очередные леворадикальные действия правительства. В результате правые социал-демократы, отвергающие «коммунизм» Санчеса, не говоря уже о части либералов, со времен гражданской войны четко ощущающих свою правизну при столкновении с коммунистами, смещаются вправо и идут на открытый союз с консерваторами и неофранкистами, тем самым заложив основы новой формы «франкизма после Франко».

В декабре 2020 г. в испанском сегменте Интернета (прежде всего на консервативной платформе «Libertad Digital») и особенно активно в социальных сетях в формате PDF начинает распространяться книга под названием «Историческая память угрожает миру в Европе». Это электронное издание содержит 15 небольших статей (14 из них написаны испанцами), авторов которых мы считаем возможным называть постфранкистами. Следуя классической политико-идеологической триаде, мы подразделяем постфранкистов на три группы: правые (8 человек), центристы (5 человек) и левые (1 человек).

2.1. Правые постфранкисты. Основные идеи книги «Историческая память угрожает миру в Европе» были сформулированы политическим журналистом Эрманном Терчем (род. 1958), являющимся членом неофранкистской партии «Вокс». В 2019 г. Терч избирается в Европарламент и вступает в Партию европейских консерваторов и реформистов (ПЕКР), исповедующую евроскептицизм. Главную опасность для современной Испании Терч видит в разрыве с прошлым, то есть в забвении позитивного опыта франкизма (что, учитывая негативные моменты в его истории, понять можно) и демократического транзита (чего – в силу отсутствия реальных альтернатив – понять нельзя). Левые, с его точки зрения, не только вернулись к власти (в демократическом обществе это нормально), но и пытаются ее монополизировать (а это уже ненормально), для чего используют такой коварный инструмент, как «историческая память», то есть переписывание национальной истории на свой подчеркнuto реваншистский лад. Неофранкисты, стоящие на страже идеалов демократического транзита, подобного допустить не могут, так как иначе все достигнутые во второй половине 1970-х гг. соглашения, почти полвека обеспечивавшие национальное примирение, будут разорваны и общество вновь окажется перед угрозой гражданской войны (*Memoria histórica...* 2020: 5-9). Подобное беспокойство присутствует у всех авторов брошюры, что позволяет нам говорить об их неофранкистских настроениях как основополагающих. Чувство опасности подогревает сотрудничающий с ПЕКР писатель и публицист Хесус Лаинс

(род. 1965), утверждая, что если во времена демократического транзита левые пытались всячески скрывать свои преступления времен гражданской войны, то теперь они вознамерились «посадить и замучить» тех, кто о них напоминает (*Memoria histórica... 2020: 70-79*). Член «Вокс» Франсиско Хосе Контрерас (род. 1964) считает, что левые превращают историю в политическое оружие; в качестве примера он приводит интерпретацию пакта Молотова – Риббентропа в СССР и в современной России (*Memoria histórica... 2020: 10-15*), демонстрируя традиционный для франкистов антикоммунизм и стремление преодолеть ассоциацию себя с фашистами.

Особый аспект правого постфранкизма – культ личности Франко и его созидательной политики. Военный историк Луис Еухенио Тогорес (род. 1959) прославляет дипломатические таланты Франко, благодаря которым Испании удалось избежать крупномасштабного участия во Второй мировой войне на стороне гитлеровской Германии, что, помимо всего прочего, позволило испанским дипломатам спасти от преследований тысячи евреев (*Memoria histórica... 2020: 80-97*). Журналист и историк Мигель Платон (род. 1949) оспаривает приводимые левыми историографами масштабы франкистских репрессий после победы в гражданской войне (*Memoria histórica... 2020: 96-107*). Историк Альберто Барсена (род. 1955) развеивает миф о концентрационном лагере для пленных республиканцев, задействованных в строительстве «Долины павших» (*Memoria histórica... 2020: 116-129*).

Традиционно неофранкистов поддерживает и выдающийся американский правый историк-испанист, биограф Франко, один из специалистов по истории фашизма Стэнли Пейн (в 2003 г. он высоко оценил книгу Моа «Мифы гражданской войны» (*Stanley Payne elogía... 2003*), доказывая с документами в руках, что во время гражданской войны испанские левые осуществляли массовые убийства священников и уже хотя бы в силу этого Вторая республика не имеет ничего общего с демократией; поэтому, с его точки зрения, «демократическая память» – понятие весьма странное (*Memoria histórica... 2020: 16-27*).

Среди правых постфранкистов встречаются и люди с предельно неудобным для современной демократии бэкграундом, например журналист и писатель Хесус Паласиос (род. 1952), бывший член национал-социалистического «Испанского круга друзей Европы» (1966–1993). Они бьют по демократическому имиджу антифранкистов, напоминая, к примеру, что Испанская коммунистическая партия (КПИ) подчинялась Сталину и была тоталитарной, баскские националисты были расистами и поддерживали террористические методы политической борьбы; совсем не был демократом и Хуан де Бурбон, дед нынешнего короля Филиппа VI, так и не получивший испанский трон от Франко. По их мнению, подлинная демократическая оппозиция франкизму выросла исключительно из самого франкизма, что автоматически заставляет оценивать его историческую роль более позитивно, чем это делают сторонники «исторической памяти», – как диктатуру, но борющуюся с другими диктатурами (*Memoria histórica... 2020: 140-149*). В продолжение того же дискурса историк Педро Фернандес Барбадильо (род. 1965) анализирует Закон об амнистии 1977 г., напоминая, что он

был принят под давлением как левых, так и региональных националистов, благодаря чему на свободу вышли не только политзаключенные, но и реальные террористы, которые впоследствии ударили уже не по франкизму, а по молодой испанской демократии (*Memoria histórica...* 2020: 150-157).

Как видим, правые постфранкисты (восемь испанских авторов, которые задают тон всему электронному изданию «Историческая память» угрожает миру в Европе) пока не отличают себя от неофранкистов, подобно тому как в начале демократического транзита правые неофранкисты никак не отличали себя от франкистов, и приставка «пост-» возникает лишь благодаря той части постфранкистов, которые изначально неофранкистами не являлись.

2.2. Постфранкисты-центристы, или «сочувствующие». Если для правых постфранкистов характерны формальная ассоциация с неофранкизмом и выражение серьезной тревоги по сформулированным Терчем проблемам, то центристы занимают по данным проблемам более спокойную позицию, формально себя с неофранкизмом не ассоциируя.

Специалист по истории испанского консерватизма Педро Карлос Гонсалес Куэвас (род. 1959) призывает не упрощать историю гражданской войны, а изучать ее во всей сложности и трагичности; в то время как правительство Санчеса, по его мнению, поступает прямо наоборот: вместо дистанцирования от прошлого с целью его непредвзятого анализа оно требует эмоциональной сопричастности к «исторической памяти» и ведет себя как секта популистов, используя чьи-то искренние чувства в собственных сугубо политических целях (*Memoria histórica...* 2020: 34-47). Позицию Гонсалеса Куэваса поддерживает политик Хосе Мануэль Отеро Новас (род. 1940), бывший министр образования в правительстве СДЦ, рассказывая, как проводились первые амнистии, легализовались запрещенные при Франко политические партии и почему «историческая память» вместо примирения сторон будит сегодня столь деструктивные страсти (*Memoria histórica...* 2020: 131-139).

Центристы пишут о конкретных историях своих семей, не придавая им в силу микроистории острого политического звучания. Журналист и писатель Альфонсо Уссия (род. 1948), племянник генерал-лейтенанта Х. Миланса дель Боша, возглавившего антидемократический путч в феврале 1981 г., рассказывает о своем дедушке, выдающемся испанском драматурге П. Муньосе Секе, который был расстрелян республиканцами в 1936 г. в ходе печально знаменитой «резни в Паракуэльосе». Так как Муньос Сека был расстрелян республиканцами, а не франкистами, подобно Ф. Гарсии Лорке, он не считается жертвой войны, а, следовательно, его потомки не попадают под действие программ компенсации (*Memoria histórica...* 2020: 64-69). Подобная несправедливость не может не возмущать тех, кто желает общенационального примирения.

Ключевым для центристов является требование справедливости, без торжества которой «историческая память» теряет всякий смысл. Католический священник, теолог и историк Анхель Давид Мартин Рубио (род. 1969) считает, что массовые убийства священников на территории республиканцев нужно признать геноцидом, а следовательно, если Закон об исторической памяти хочет быть справедливым, памятники республиканцам должны быть

так же демонтированы, как и памятники франкистам (*Memoria hist6rica... 2020: 48-63*).

Каталонский историк-карлист и борец с каталонским национализмом Хавьер Баррайкоа (род. 1963) рассказывает трагическую историю Луиса Компаниса, председателя правительства Каталонии во времена Второй республики, у которого во время гражданской войны не сложились отношения ни с советниками СССР, поскольку он был патриотом, ни с франкистами, так как он был демократом (*Memoria hist6rica... 2020: 108-115*). В 1940 г. Компанис был расстрелян франкистами; но когда в 1998 г. либеральные консерваторы из НП поставили ему в Барселоне памятник, они не только признали историческую ошибку, но и способствовали национальному единству. Случай Компаниса – ярчайший пример того, что именно правые, а не левые блюдут «историческую память» так, как положено, извлекая из истории соответствующие уроки и не занимаясь политическими спекуляциями. Аналогичный случай – издание в 1996 г. при патронаже НП мемуаров М. Асаньи, в 1936–1939 гг. президента Второй республики, которое было горячо поддержано, в частности, такими левыми историками, как С. Хулиа (*Juliá 1997*).

Центристы – в отличие от правых – готовы признать «историческую память», если каждый получит все, что ему причитается; но в этом случае «демократическая память» теряет всякий смысл, так как остается неясным, чем она отличается от «исторической». Именно вопросы по «демократической памяти» приводят центристов в лагерь постфранкистов. Не радикализируй правительство Санчеса проблемы «исторической памяти» и не преврати ее в «демократическую», неофранкизм не начал бы трансформироваться в постфранкизм, поскольку остался бы без центристов и не привлек бы на свою сторону часть левых.

2.3. Левые постфранкисты, или «попутчики» – самое большое достояние постфранкистов, так как благодаря им разрушается единство в лагере левых и обеспечивается объективность в суждениях правых. Писатель Фернандо Санчес Драго (род. 1936) – красноречивый пример того, как жертва франкизма переходит на сторону своих врагов, способствуя превращению франкизма в постфранкизм. Несмотря на то, что отец Санчеса был убит франкистами в начале гражданской войны, а сам Санчес в молодости, будучи членом КПИ, сидел в тюрьме, а затем был выслан из страны, он не верит в эффективность законов об «исторической» и «демократической» памяти, поскольку считает их абсолютно политизированными и предвзятыми. Их цель – не сохранить память как таковую, а создать новый миф в духе министерства правды из романа Дж. Оруэлла. И если в этот миф по каким-то причинам не вписываются определенные исторические факты, а таких очень много, – тем хуже для них. А это уже неприемлемо для человека, воспитанного на консенсусных идеалах демократического транзита (*Memoria hist6rica... 2020: 28-33*).

Таким образом, лейтмотив постфранкизма – принципиальное отрицание не столько исторического ревизионизма (на чем настаивают лишь правые постфранкисты), сколько более поздней его вариации – ревизионизма демократического. Все постфранкисты выступают против того, что

в современной России именуется переписыванием истории, полагая, что более или менее правдивая история франкизма и демократического транзита уже написана. Однако проблема в том, что в Испании (как, впрочем, и не только в этой стране) история никогда не писалась как некая общепризнанная версия или интерпретация исторических событий; традиционно существует как минимум две интерпретации, каждая из которых создана представителями одной из «двух Испаний» (левой/прогрессивистской или правой/традиционалистской), то есть «бои за историю» в любом случае продолжаются, история так или иначе переписывается, вопрос лишь в степени этого переписывания (ревизионизма) и – что является не менее важным аспектом – в социально-политических последствиях подобного ревизионизма. И если в эпоху неофранкистов «бои за историю» вели, как считают постфранкисты, к социальному миру и общенациональному согласию, то сейчас они ведут к очередному витку, как выяснилось, незавершенной гражданской войны и распаду испанской политической нации и Испании как единого государства, что неприемлемо как для части правых (генетически франкистских), так и для части левых (генетически антифранкистских) политических сил. Отсюда и новый фундамент для консенсуса между неофранкистами и антифранкистами, который начал складываться еще благодаря «революционным» событиям в Каталонии в октябре 2017 г. (когда изначально непримиримые Моа и Рейг Тапия оказались совершенно согласны в критике и неприятии каталонского сепаратизма); и явно постмодернистское «смешение стилей», делающее, по крайней мере на сегодняшний день, невозможным четкое определение места постфранкизма в политико-идеологическом спектре.

Своеобразной исторической аналогией подобной политико-идеологической аномалии является центристский «Либеральный союз», созданный в далеком 1858 г. генералом Л. О'Доннеллом из представителей левой фракции либерально-консервативной части партии «Модератос» (так называемых «пуританос»), образовавший его правое крыло, и составивших его левое крыло правых прогрессивистов, испугавшихся очередного витка в развитии либерально-буржуазной революции, последствия которой рассматривались обоими объединившимися фракциями как предельно разрушительные. Исторически выходцем из «Либерального союза» является и воспетый Фрагой выдающийся испанский либеральный консерватор Кановас дель Кастильо (Fraga Iribarne 1981: 115-138). Созданная им сбалансированная и последовательно консенсусная политическая система просуществовала с середины 1870-х гг. вплоть до диктатуры генерала Примо де Риверы, обеспечивая поступательное развитие Испании на протяжении без малого пяти десятилетий.

В этом смысле постфранкизм, формирующийся в борьбе с крайностями исторического ревизионизма, может быть определен как очередная версия либерально-консервативного консенсуса, призванного стабилизировать Испанию и как государство, и как общество в условиях новых вызовов и потрясений. Примечательно, что предыдущий либерально-консервативный консенсус во времена демократического транзита между франкистами и

антифранкистами, вошедший в историю как пакты Монклоа (1977), был заключен при активном участии левого крыла неофранкистов во главе с Фрагой. Сейчас же мы видим, как очередной виток развития политической идеологии «франкизма после Франко» в позитивно-конструктивной его части предлагает скреплять и сохранять наиболее выдающиеся достижения предыдущего этапа, что является главной целью любого консерватизма.

В целом же постфранкизм находится на генеральной линии развития франкизма как авторитарной политической идеологии, адаптирующейся к социально-политическим условиям современной демократии. Используя понятия К. Поппера, мы можем утверждать, что постфранкизм – в отличие от франкизма, который всегда, будучи радикальным или умеренным традиционализмом, был закрыт для сотрудничества со своими идеологическими оппонентами, – является открытым. Следуя этой логике, мы могли бы утверждать, что неофранкизм, находящийся на шкале исторического времени где-то между франкизмом и постфранкизмом, был полуоткрытым; другое дело, что наглядно показать подобные нюансы крайне сложно. Однако существует и более простая логика: франкизм – при всей его «либерализации» – до последних дней своего существования оппонентов уничтожал (изгнание из страны, тюрьмы, расстрелы), неофранкизм всегда с ними спорил в парламенте, СМИ и научно-публицистической литературе (вспомним, к примеру, вошедшие в историю дебаты между Фрагой и Каррильо по вопросам «исторической памяти» (Fraga y Carrillo... 2008), постфранкизм же открыто призывает всех своих оппонентов к сотрудничеству. При этом в рамках неофранкизма, как показала история, мейнстримом было все-таки левое крыло Фраги, в то время как в постфранкизме – правое крыло «Вокса». Не в последнюю очередь это случилось, поскольку идеологические наследники Фраги (Аснар и его команда) приложили максимум усилий к тому, чтобы в принципе избавиться от имиджа франкистов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Cierva R. de la. 1972. La historia perdida del socialismo español. Madrid : Nacional. 294 p.

Cierva R. de la. 1985. Pro y contra Franco: franquismo y antifranquismo. Barcelona : Planeta. 279 p.

Cierva R. de la. 1987. La derecha sin remedio (1801–1987): de la prisión de Jovellanos al martirio de Fraga. Barcelona : Plaza & Janés. 425 p.

Cierva R. de la. 1994. Carrillo miente: 156 documentos contra 103 falsedades. Madrid : Fénix. 515 p.

Cierva R. de la. 1996. La hoz y la cruz. Auge y caída del marxismo y la teología de la liberación. Madrid : Fénix. 792 p.

Cierva R. de la. 1997. Brigadas internacionales 1936–1939. La verdadera historia. Mentira histórica y error de Estado. Madrid : Fénix. 477 p.

Cierva R. de la. 1998. El 23F sin mascararas: Primera interpretación histórica. Madrid : Fénix. 496 p. 330 p.

Cierva R. de la. 2000. El 18 de julio no fue un golpe militar fascista. Madrid : Fénix. 496 p.

Cierva R. de la. 2002. *Media nación no se resigna a morir: los documentos perdidos del Frente Popular*. Madrid : Fénix. 1022 p.

Cierva R. de la. 2008. *La infiltración. La infiltración marxista y masónica en la Iglesia católica del siglo XX*. Madrid : Fénix. 574 p.

Fraga Iribarne M. 1981. *El pensamiento conservador español*. Barcelona : Planeta. 459 p.

Fraga y Carrillo se enfrentan por la memoria histórica en '59 segundos, 2008. URL: <https://www.rtve.es/noticias/20081203/fraga-carrillo-se-enfrentan-memoria-historica-59-segundos/202275.shtml> (дата обращения: 30.09.2021).

García B. 2001. Ruedo Ibérico. Contra la estrategia del olvido, el dedo en el gatillo de la memoria // *Nuevas tendencias historiográficas e historia local en España: actas del II Congreso de historia local de Aragón* (Huesca, 7 al 9 de julio de 1999). Huesca: Instituto de Estudios Altoaragoneses. P. 389–400.

Gilmour J. 1999. *Manuel Fraga Iribarne and the Rebirth of Spanish Conservatism, 1939–1990*. Lewiston (N.Y.): E. Mellen Press. 342 p.

Juliá S. 1997. Restitución de la memoria. URL: https://elpais.com/diario/1997/12/18/cultura/882399602_850215.html (дата обращения: 28.09.2021).

Memoria histórica amenaza para la paz en Europa, 2020. URL: <https://s.libertaddigital.com/doc/memoria-historica-amenaza-para-la-paz-en-europa-6711544.pdf> (дата обращения: 30.09.2021).

Moa P. 2001. *La sociedad homosexual y otros ensayos*. Madrid: Criterio. 323 p.

Moa P. 2005. *Franco. Un balance histórico*. Barcelona: Planeta. 208 p.

Moa P. 2006. ¿Qué es un historiador? URL: <https://www.libertaddigital.com/opinion/pio-moa/que-es-un-historiador-34238/> (дата обращения: 28.09.2021).

Pérez Gómez A. 1972. *La historia perdida del socialismo español, de Ricardo de la Cierva* // *Revista de estudios políticos*. Nº 185. P. 353–356.

Piñar B. 1975. *Combate por España*. Madrid : Fuerza Nueva. 187 p.

Reig Tapia A. 2006. *Anti-Moa. La subversión neofranquista de la Historia de España*. Barcelona : Ediciones B. 521 p.

Reig Tapia A. 2008. *Revisionismo y política. Pío Moa revisitado*. Madrid : Foca. 302 p.

Stanley Payne elogia la obra de Pío Moa, 2003. URL: <https://www.esferalibros.com/noticias/stanley-payne-elogia-la-obra-de-pio-moa/> (дата обращения: 30.09.2021).

References

Cierva R. de la. *Carrillo lies: 156 documents against 103 falsehoods*, Madrid, Fénix, 1994, 515 p. (in Spanish).

Cierva R. de la. *Half the nation does not resign itself to dying: the lost documents of the Popular Front*, Madrid, Fénix, 2002, 1022 p. (in Spanish).

Cierva R. de la. *Infiltration. Marxist and masonic infiltration in the Catholic Church of the XXth century*, Madrid, Fénix, 2008, 574 p. (in Spanish).

Cierva R. de la. *International brigades 1936–1939. The real story. Historical lie and State error*, Madrid, Fénix, 1997, 477 p. (in Spanish).

Cierva R. de la. *July 18 was not a fascist military coup*, Madrid, Fénix, 2000, 496 p. (in Spanish).

Cierva R. de la. *Pro and contra Franco: Francoism and anti-Francoism*, Barcelona, Planeta, 1985, 279 p. (in Spanish).

Cierva R. de la. *The 23F without masks: first historical interpretation*, Madrid, Fénix, 1998, 330 p. (in Spanish).

Cierva R. de la. *The hopeless right (1801–1987): from Jovellanos' prison to Fraga's martyrdom*, Barcelona, Plaza & Janés, 1987, 425 p. (in Spanish).

Cierva R. de la. *The lost history of Spanish socialism*, Madrid, Nacional, 1972, 294 p. (in Spanish).

Cierva R. de la. *The sickle and the cross. Rise and fall of Marxism and liberation theology*, Madrid, Fénix, 1996, 792 p. (in Spanish).

Fraga and Carrillo face off for historical memory in '59 seconds, available at: <https://www.rtve.es/noticias/20081203/fraga-carrillo-se-enfrentan-memoria-historica-59-segundos/202275.shtml> (accessed September 30, 2021). (in Spanish).

Fraga Iribarne M. *Spanish conservative mind*, Barcelona, Planeta, 1981, 459 p. (in Spanish).

García B. Iberian Ring. Against the strategy of oblivion, the finger on the trigger of memory, *Nuevas tendencias historiográficas e historia local en España: actas del II Congreso de historia local de Aragón (Huesca, 7 al 9 de julio de 1999)*, Huesca, Instituto de Estudios Altoaragoneses, 2001, pp. 389-400. (in Spanish).

Gilmour J. *Manuel Fraga Iribarne and the Rebirth of Spanish Conservatism, 1939–1990*, Lewiston (N.Y.), E. Mellen Press, 1999, 342 p. (in English).

Historical memory threats to peace in Europe, available at: <https://s.libertaddigital.com/doc/memoria-historica-amenaza-para-la-paz-en-europa-6711544.pdf> (accessed September 30, 2021). (in Spanish).

Juliá S. *Restoration of memory*, available at: https://elpais.com/diario/1997/12/18/cultura/882399602_850215.html (accessed September 28, 2021). (in Spanish).

Moa P. Franco. *A historical balance*, Barcelona, Planeta, 2005, 208 p. (in Spanish).

Moa P. *Homosexual society and other essays*, Madrid, Criterio, 2001, 323 p. (in Spanish).

Moa P. *What is a historian?* 2006, available at: <https://www.libertaddigital.com/opinion/pio-moa/que-es-un-historiador-34238/> (accessed September 28, 2021). (in Spanish).

Pérez Gómez A. The lost history of Spanish socialism, by Ricardo de la Cierva, *Revista de estudios políticos*, 1972, no 185, pp. 353-356 (in Spanish).

Piñar B. *Fight for Spain*, Madrid, Fuerza Nueva, 1975, 187 p. (in Spanish).

Reig Tapia A. *Anti-Moa. The neo-Francoist subversion of Spanish History*, Barcelona, Ediciones B, 2006, 521 p. (in Spanish).

Reig Tapia A. *Revisionism and politics. Pio Moa revisited*, Madrid, Foca, 2008, 302 p. (in Spanish).

Stanley Payne praises the work of Pío Moa, available at: <https://www.esferalibros.com/noticias/stanley-payne-elogia-la-obra-de-pio-moa/> (accessed September 30, 2021). (in Spanish).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юрий Владимирович Василенко

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Пермь, г. Пермь, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7865-6497>;
ResearcherID: M-5692-2015;
SPIN-код: 3073-3627;
E-mail: yuvasil@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuri V. Vasilenko

Candidate of Philosophy, Senior Lecturer, Department of Humanities, National Research University "Higher School of Economics" – Perm, Perm, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7865-6497>;
ResearcherID: M-5692-2015;
SPIN-код: 3073-3627;
E-mail: yuvasil@yandex.ru